

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.282

ПОВЕСТВОВАНИЕ В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

В.Е. Гольдин

Институт филологии и журналистики Саратовского государственного университета,
кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики
E-mail: goldinve@andex.ru

Выделяются событийность, образность, антропоцентричность, эгоцентричность и речевая типологизация как специфические черты диалектного повествования, связующей основой которого выступают важнейшие категории сознания – событие и человек в событии.

Ключевые слова: диалектный дискурс, событийность, образность, антропоцентричность, речевая типологизация.

Narrative in Dialect Discourse

V.E. Goldin

Eventfulness, presence of imagery, anthropocentrism, egocentrism and speech typologization are shown to be specific features of dialectal narrative, based on the most important categories of consciousness – event and man in event.

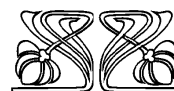
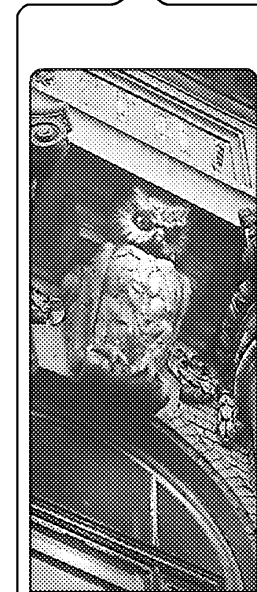
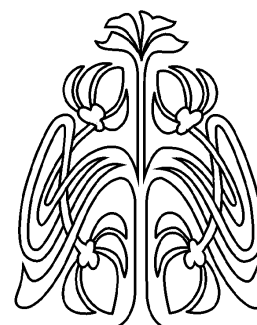
Key words: dialect discourse, eventfulness, imagery, anthropocentrism, speech typology.

Диалектная коммуникация протекает в форме тех же речевых регистров, что и коммуникация на литературном языке. В речи диалектоносителей представлены текстовые формы репродуктивного, информативного, генеритивного, волюнтаритивного и реактивного характера, соответствующие коммуникативным интенциям, выявляемым и в литературной речи¹. Вместе с тем дискурсивные свойства диалектной речи, особенно в сфере повествования, обладают несомненным своеобразием, исследование которого является одной из главных задач коммуникативной диалектологии².

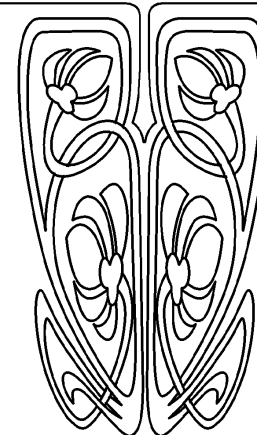
Установлено, в частности, что диалектному повествованию свойствен ряд особенностей, которые, с одной стороны, могут рассматриваться как различные проявления принципа совмещения в речи ситуации-темы с ситуацией текущего общения, а с другой стороны, могут быть интерпретированы как действие принципа иконичности повествования; при этом полного совпадения результатов действия указанных принципов не обнаруживается, и, следовательно, данные принципы не могут быть отождествлены³. Вполне возможно, что за ними стоит какой-то более общий фактор, определяющий своеобразие диалектного повествования, или группа таких тесно связанных между собой факторов, установить которые еще только предстоит.

Проведем небольшой текстовый эксперимент: сравним типичный пример устного повествования на диалекте с тем, как соответствующее содержание можно было бы передать в форме письменной литературно-книжной речи. Пожилая носительница говора М.П. Пруская (с. Мегра Вытегорского р-на Вологодской обл., запись 1976 г.) рассказывает, как раньше отбеливали домотканое полотно:

«Раньше/ Сашенька/ ведь ткали/ дома/ дома ткали// сколько было полотна это/ точива-то допустим по-досюлешнему/ точива// вот такие были трубы точива// вот это в бук ложим/ подержим на слище <...> принесём со слища мы со снега/ это называется слище у нас/ на снег весной мы расстилаем длинно-длинно-длинно/ не один ряд/ столько точив бывало// Вот принесёшь// «Ой сегодня мама побучить наверно надо»//

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Вот такой... под фирму ушата/ Саша/ под фирму ушата/ токо он высокий/ он высокий/ ушаты ведь низенькие/ а этот высокий/ бук/ называется бук/ «Без своего бука говорит/ всегда мука говорят»// да-да/ ну вот// ну/ вот топится печка/ наложим камня туда/ в печку/ на дрова// эти камень нагорят// в этом буку уж/ помещенье... этом/ ну в чану хоть/ в буку/ по-нашему бук/ ложим туда кипятком/ выливаем/ на точиво...»

Если отвлечься от метаязыковых элементов данного текста, вызванных тем, что рассказчица осознает неполное совпадение своего языкового кода с кодом адресата (*точива-то допустим по-досюлешнему; это называется слице у нас и др.*), то в письменной литературно-книжной форме основное содержание рассматриваемого рассказа можно было бы представить следующим текстовым фрагментом информативной направленности:

«Раньше ткали дома. За зиму набиралось много домотканого полотна, точива, скатанного в рулоны. Весной его расстилали длинными рядами по снегу на солнце. Потом полотно приносили домой и кипятили в специальных высоких бочках, буках. Полотно закладывали в бук, заливали кипятком, бросали в воду предварительно раскаленные в печи камни...»

Приведенный выше рассказ М.П. Прусской отличается от своего литературно-книжного соответствия не только известными и весьма яркими признаками разговорности (индивидуальная адресация, непринужденность коммуникации, неподготовленность устного рассказа, нарушения в передаче последовательности описываемых действий, самоперебивы, самокоррекция, разного рода повторы и т.д.), но и одновременно использованием основных регистров повествования: информативного, репродуктивного и генеритивного. Общая направленность рассказа воспринимается нами как информативная, но средства информативного регистра переплетены в нем с формами репродуктивного (изобразительного) и генеритивного регистров и соединены в характерное для диалектного повествования единое целое. Рассказчица не только и н ф о р м и р у е т, т.е. передает то, что ей известно, но и в о с п р о з в о д и т в своей речи те ситуации, о которых говорит, представляет их существующими «здесь» и «сейчас», в момент реально протекающего общения. Ср.: *Вот принесёшь// «Ой сегодня мама побучить наверно надо»* или *ну/ вот топится печка...* Из типичных средств репродуктивного (изобразительного) регистра отметим прямую речь без оформления ее вводящей речью, глагольные формы актуального настоящего времени, изобразительный повтор (*расстилаем длинно-длинно-длинно*), широкое использование указательной частицы «вот», соотносящей повествование не с предшествующими или последующими частями текста, а с «наблюдаемой» ситуацией: *вот такие были трубы;*

вот принесёшь; вот такой... под фирму ушата; вот топится печка... Действие принципов совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего общения и принципа иконичности (изобразительности) речи обнаруживается в данном примере даже на небольшой протяженности диалектного повествования. Генеритивному регистру соответствует в нем выражение обобщенного знания: *Без своего бука всегда мука.*

Хорошо известно и давно отмечается исследователями, что диалект традиционно не использует формы косвенной речи, а прямая речь произносится на диалекте особым образом: говорящий стремится воспроизвести интонацию, силу (иногда и тембр) передаваемой речи. Он в прямом смысле слова «исполняет» чужую речь в своем повествовании, перевоплощаясь в автора высказывания и превращая сказанное раньше в то, что говорится «здесь» и «сейчас». В нашем примере это явление представлено во фразе *«Ой сегодня мама побучить наверно надо»*. Её появление в рассказе абсолютно не случайно, оно соответствует традициям диалектного повествования: для носителя традиционной культуры сельской коммуникации существует теснейшая связь между «ситуациями-событиями» и тем, что обычно говорится или может быть сказано в соответствующих случаях, поэтому рассказ о той или иной стандартной ситуации представляется рассказчику неполным без сопровождения его типичными для раскрываемой ситуации высказываниями, а совмещение ситуации-темы с ситуацией текущего общения делает такие речевые иллюстрации естественными и необходимыми.

Типичные высказывания, характерные для различных ситуаций-событий, часто повторяясь в них и передаваясь из уст в уста, приобретают всё более обобщенный характер и в результате становятся пословицами и поговорками, которыми не случайно богата именно народная речь. Пример такого высказывания – использованная М.П. Прусской пословица *«Без своего бука всегда мука»*.

Показательно, что, приводя эту пословицу, рассказчица оформляет ее как цитируемую чужую речь. Элементы *говорит, говорят* в высказывании *Без своего бука говорит/ всегда мука говорят* играют при этом роль, близкую роли разговорных частиц *мол, де, дескать*, хотя и не тождественную ей. Функция “говорит” в составе вводимой чужой речи (в диалекте такое вводимое «говорит» обычно представлено рядом редуцированных форм – от «грит», «гыт» до «г» даже при цитировании собственного высказывания) хорошо, на наш взгляд, определена в монографии Н.В. Максимовой. Рассмотрев на материале русского литературно-художественного дискурса роль конструктивно-коммуникативного элемента “говорит” во вводимой речи, исследователь пришла к выводу о том, что этот элемент необходимо отграничивать от “говорит” во вводящей речи:

«Говорит» – вводящее – знак первого события (события-темы. – В.Г.), «говорит»-вводимое принадлежит самому «событию рассказывания», т.е. ситуации текущего общения. «Говорю» – прием, – утверждает исследователь, – безусловно, является маркером самого «события рассказывания». Это его интонация, его жест, его мимика – со всеми отсылками к смыслам устно-разговорной ситуации. Это своего рода перпендикуляр нарративу, разрывающий ткань повествования постоянными напоминаниями: «это я», «я здесь». В итоге создается феномен «мерцания» – прошлого / настоящего; вневременного / сиюминутного; героя / героя-рассказчика / автора⁴, – другими словами, наблюдается как раз то, что типично для диалектного повествования – совмещение ситуации темы с ситуацией текущего общения.

Необходимость включать в рассказ типовые высказывания участников передаваемых ситуаций-событий становится еще понятнее, если учесть специфический характер тематической организации повествования на диалекте. Литературно-книжная речь строится таким образом, что позволяет общающимся сосредотачиваться на любых вербально обозначенных компонентах мира, делать их предметом рефлексии, разворачивать в качестве тем. Отдельными детально разрабатываемыми темами (в различных типах литературно-книжного дискурса) могут становиться и человек с его судьбой и внутренним миром, и животные или растения, и неживая природа, и различные ментальные образования и т.д. Например, пропозиция «Раньше ткали дома» в литературно-книжном повествовании допускает возможность выделения (рефлексии) и подробной конкретизации временного компонента (когда именно «раньше»), локального (где именно «дома»), деятельностного (в чем заключалась деятельность, обозначенная глаголом «ткасть», каковы ее обязательные и факультативные составляющие). С необходимостью обеспечивать специальную конкретизацию отдельных сторон содержания речи связана принципиальная возможность отвлекаться в повествовании от всех других его сторон, в том числе и от субъектов представляемой в речи ситуации, или придавать этим сторонам неодинаковый вес. Так, в предложении выше письменном литературно-книжном фрагменте рассказа об отбеливании полотна субъекты действий отодвинуты на второй план и имеют неопределенно-личный характер, на первом плане – сама процедура отбеливания, именно она выступает темой повествования. Конечно, диалектная речь также предоставляет ее носителю возможность выделить (назвать) и конкретизировать любой из квантов содержания; более того, носителю литературного языка повествование на диалекте нередко представляется даже неоправданно подробным, перегруженным деталями⁵. Однако при этом диалектное повествование почти никогда не отвлекает

ся от субъектов ситуации-события, не элиминирует их, не отодвигает на второй план. Оно тяготеет к «фабульности», событийности⁶, а в центре событий обязательно стоят люди, и в диалектном повествовании действия, состояния, оценки участников ситуаций и их высказывания не уходят на периферию, а, напротив, образуют тематический центр, предмет конкретизации, которая обычно доходит до прямого воспроизведения речи участников события как до своего предела. Таким образом, диалектный дискурс антропоцентричен в самом прямом смысле этого слова.

Действительно, в рассказе М.П. Прусской представлены и неопределенный субъект действия «ткали», и его конкретизация инклюзивным значением 1 л. мн. числа (*мы* «ложим», «подержим», «принесем» и др.), и субъект обобщенно-личный («*принесешь*»), представлены сама повествовательница ее речью, обращенной к матери, и мать как участница передаваемой коммуникативной ситуации («Ой сегодня мама побучить наверно надо»). При этом образной конкретизации подвергаются не столько технические детали процесса отбеливания, сколько ситуативно связанное с хозяйственным событием речевое общение: типичное высказывание девушки, предлагающей «побучить», и высказывание-клише (пословица) на тему необходимости иметь собственный «бук».

Наблюдения показывают, что в центре повествования диалектоносителей обычно стоит не просто человек, а в первую очередь сам рассказчик. О.А. Казакова, изучившая большой материал рассказов одной носительницы среднеобского говора, пишет: «Анализ диктумного содержания данного жанра дает возможность говорить о том, что действительность для В.П. антропоцентрична и эгоцентрична⁷. Действительно, текстовая эгоцентричность – неотъемлемое свойство повествования на диалекте.

Событийность, антропоцентричность, эгоцентричность диалектного повествования, по-видимому, тесно связаны с традиционным для сельской речевой культуры отношением к знанию: важным и достоверным представляется не услышанное в чьем-либо рассказе или тем более – пересказе, а виденное, воспринятое и прочувствованное самим человеком в качестве участника соответствующих событий⁸.

Если пересмотреть одну за другой выделенные выше черты повествования на диалекте, то складывается мнение об их взаимосвязи на основе особого типа целостности отражения мира: в специфическом текстовом единстве диалектного повествования сплавляются элементы информативного, изобразительного и генеритивного регистров; характерная для диалектной речи изобразительность (иконичность) повествования направлена не на отдельные стороны содержания, а на него в целом и проявляется не в единичных

особенностях, а буквально во всех компонентах повествования; тяготение к событийности изложения со своей стороны отражает целостность как основу восприятия мира, в котором выделяются прежде всего устойчивые положения дел и типичные их преобразования, ситуации-события с важнейшими их составляющими; место и время излагаемых событий, участники ситуации-темы легко совмещаются в диалектном повествовании с местом, временем и участниками ситуации текущего общения. Хотя диалектная речь, как и литературно-книжная, допускает возможность выделения и конкретизации любой части мыслимого мира, она выдвигает в качестве тем повествования прежде всего события с человеком в их центре; именно события она отражает своей специфической целостностью и доводит конкретизацию передачи событий до уровня прямой речи действующих лиц или участников-наблюдателей. Ситуация-событие с человеком и его речью в центре события – вот, по-видимому, общая основа целостности диалектного повествования.

Результаты лингвистических наблюдений над спецификой диалектного повествования хорошо, на наш взгляд, согласуются с психологическими представлениями о сознании как единстве его образного и рационального (рефлексивного) слоев. Оба слоя свойственны сознанию человека, «но в ментальной сфере разных людей, – пишет И.А. Стернин, – они могут быть представлены в разном объеме»⁹. Эти различия имеют, конечно, не только индивидуальный, но также социальный и культурный характер. В традиционной народной речевой культуре отражаются и рефлексивный, и образный слой сознания, при этом в специфике диалектного повествования проявляется особая роль образного слоя сознания с присущей последнему целостностью отражения мира. Эта целостность более всего отличает, с нашей точки зрения, диалектный дискурс от дискурса литературно-книжного с его рефлексивностью и глубокой специализацией знания, неизбежно превращающими сознание отдельных членов общества в сознание «частичное». Как пишет В. Буданов, «утрата целостного взгляда на мир – едва ли не самая большая утрата, приведшая к глобальному кризису нашей цивилизации на рубеже тысячелетий. Современный человек тонет в потоках разнородной информации от последних достижений геной инженерии и трагедий национальных конфликтов до чудесных свойств соусов и детских подгузников. Дисциплинарное научное знание нашего века скорее усугубляет фрагментарность картины, добавляя в нее все новые понятия и термины, постоянно возникающие на границах частных дисциплин»¹⁰. В этом аспекте рассмотренная целостность диалектного повествования выступает как несомненное достоинство актуального для диалектоносителей обыденного отражения мира. В ней можно было бы видеть и

известную слабость – слабость народно-речевого дискурса в сравнении с научным, – если бы соотнесенность бытового и научного дискурсов существовала в коммуниктивном пространстве самой традиционной сельской коммуникации. Однако такая соотнесенность возникает, как известно, лишь в ситуациях освоения диалектноносителями основных дискурсивных вариантов книжно-литературной речи и принадлежит иному коммуниктивному уровню.

Целостный характер отражения мира в диалектном дискурсе, конечно, не означает абсолютной информативной полноты и всеохватности последнего: ему, как и всякому дискурсу, присуща избирательность в моделировании действительности, и перед исследователем диалектного повествования неизбежно возникает тот же вопрос о соотношении континуума жизни и содержания рассказов о жизни, который остро стоит перед историками и философами, заставляя искать факторы, управляющие построением исторического повествования¹¹. Что именно делает необходимым обозначать и связывать в повествовании одни явления и отодвигать в сторону или полностью элиминировать другие? В коммуниктивной диалектологии это еще мало изучено, но предварительный ответ может быть таким: мир воспринимается носителями традиционной народно-речевой культуры прежде всего в форме событий с человеком в их центре; этим человеком обычно является сам повествователь; присущие диалектному повествованию событийность, образность, антропоцентричность и эгоцентричность определяют его специфическую целостность, и именно она, эта целостность, выступает ограничителем тематического фокуса дискурса и управляет составом и аспектами его содержания.

В обсуждаемом комплексе черт диалектного повествования – событийности, образности, антропоцентричности, эгоцентричности и речевой типологизации – связующей основой выступают важнейшие категории нашего сознания – событие и человек в событии. «Поскольку бытие и время, – утверждал М. Хайдеггер, – имеют место только в событии, этому последнему принадлежит та особенность, что им человек как тот, кто внимает бытию, выстаивая в собственном времени, вынесен в свое собственное существо. Так сбывающийся человек принадлежит событию». И далее: «Эта принадлежность покоится в отличительной черте события, обособлении. Благодаря последнему человек впущен в событие»¹². Чем подробнее раскрывается в диалектном повествовании событие, тем точнее оно фокусируется на человеке и его речи и тем полнее оказываются «впущенными» в событие повествователь и слушатели его рассказа.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 06-06-80428-а.

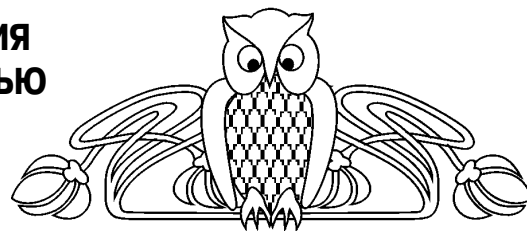

Примечания

- ¹ Подробную характеристику регистров см.: *Золотова Г.А., Ониненко И.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- ² *Гольдин В.Е.* Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Дис. в виде науч. докл. Саратов, 1997.
- ³ *Гольдин В.Е.* Изобразительность диалектной речи // Бюл. фонетического фонда русского языка. Бохум; СПб., 2000. № 7.
- ⁴ *Максимова Н.В.* «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. М., 2005. С. 73.
- ⁵ См.: *Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю.* Текст и знание в диалектной коммуникации // Материалы и исследования по русской диалектологии. Кн. 3(9). М., 2008. С. 401–403. См. также: *Иванцова Е.В.* Феномен диалектной языковой личности. Томск, 2002. С. 182.
- ⁶ См.: *Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю.* Указ. соч.
- ⁷ *Казакова О.А.* Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. С. 18.
- ⁸ *Гольдин В.Е.* Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения чл.-кор. Р.И. Аванесова. М., 2002.
- ⁹ *Стернин И.А.* Об образном и рефлексивном сознании // Язык – сознание – культура – социум. Саратов, 2008. С. 103.
- ¹⁰ *Буданов В.* Когнитивная психология или когнитивная физика. О величии и тщетности языка событий // Событие и Смысл (синергетический опыт языка). М., 1999. С. 38.
- ¹¹ См.: *Олейников А.А.* История: событие и рассказ. Критический анализ философии нарративной формы: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 1999.
- ¹² *Хайдеггер М.* Время и бытие: статьи и выступления. СПб., 2007. С. 560.

УДК 811.161.1.38

О НЕКОТОРЫХ РАЗЛИЧИЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЭМОТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ИНТЕРВЬЮ И АНАЛИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ (на материале современной российской прессы)

Е.Д. Соколова

Институт филологии и журналистики Саратовского государственного университета,
кафедра русского языка и теории коммуникации
E-mail: sokolovaed@yandex.ru

Статья посвящена проблеме изучения высказываний, выражающих эмоции, на страницах российской прессы (на материале аналитических статей и интервью).

Ключевые слова: современная российская пресса, выражение эмоций, эмотивные высказывания, интервью, аналитические статьи.

On Some Differences in Emotive Utterances in Interviews and Analytic Articles (on the Materials of Contemporary Russian Press)

E.D. Sokolova

The present article is concerned with utterances used in contemporary Russian press to express emotions (in analytical articles and interviews).

Key words: Contemporary Russian press, expression of emotions, emotive utterances, interviews, analytical articles.

Изучение языка прессы в настоящее время представляет собой актуальную проблему лингвистики, поскольку СМИ – мощное сред-

ство воздействия на массовое сознание¹. По данным психологических исследований, эмоциональное сообщение обладает повышенной эффективностью воздействия на человека: оно наиболее информативно, так как дает наиболее полный образ действительности и способствует привлечению и удержанию внимания реципиента². Для того чтобы эффективнее влиять на аудиторию, журналисты используют эмотивные высказывания (ЭВ), то есть высказывания, реализующие коммуникативную задачу выражения эмоций. Полагаем, что можно выделить собственно эмотивные и эмотивно осложненные высказывания. Собственно ЭВ (пример 1) мы называем определенный вид коммуникативов, поскольку их назначение – исключительно передача эмоций в отличие от остальных ЭВ (пример 2), выражающих эмоцию в связи с передаваемой информацией. В.Ю. Меликян классифицирует такие коммуникативы, как эмоционально-оценочные, отмечая, что их значение «связано с экспрессивно-эмоциональной и волевой сферой поведения человека, [...] является знаком отношений, чувствований и волеизъявлений»³.

(1) – Вас свела работа на НТВ?

– Что вы! Мы уже 11 лет вместе. А на НТВ я пришла только в 2003 году (Телесемь, 2006, № 29).